

УДК 82

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Раздел: ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Батюнина Екатерина Юрьевна, аспирант,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
Кафедра русского языка и методики его преподавания,
преподаватель, подготовительный факультет для иностранных учащихся,
Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Россия, Казань

Batyunina Ekaterina Yurievna, postgraduate student,
Institute of Philology and Intercultural Communication,
Department of Russian language and methods of teaching it,
Lecturer, preparatory faculty for foreign students
Kazan Federal University, Russia, Kazan
ORCID ID 0009-0001-5433-0764

korralet@mail.ru

**Роль прецедентных феноменов в структуре и образной системе рассказа
«Красная и серый»
(по материалам рассказов А.А. Кабакова «Московские сказки»)**

Аннотация. Статья посвящена вопросу об использовании прецедентных феноменов в рассказе Александра Кабакова «Красная и серый». Выявлено, что писатель различными способами апеллирует в рассказе к целому ряду народных и авторских произведений художественной литературы: сказке «Красная Шапочка и Серый Волк», стихотворению А.А. Блока «Скифы», повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель», пьесе А.П. Чехова «Три сестры», роману Л.Н. Толстого «Война и мир», а также к другим прецедентным текстам, ситуациям, именам: полицейским ориентировкам, философской концепции «Москва – тре-

тий Рим», реалиям конца 1990-х – начала 2000-х годов, певице Валерии и др. Цели автора при этом различны: он стремится при помощи прецедентных феноменов организовать пространство и время произведения, выстроить сюжетную канву, сформировать подтекст и затекст, выразить иронию, охарактеризовать персонажей, сконструировать пространство языковой игры, в которой читатель с готовностью принимает участие.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентный текст, культурная отсылка, ирония, Александр Кабаков.

THE ROLE OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE STRUCTURE AND FIGURATIVE SYSTEM OF THE STORY “RED AND GRAY” (BASED ON MATERIALS FROM A.A. KABAKOV’S STORIES “MOSCOW TALES”)

Abstract. The article is devoted to the issue of the use of precedent phenomena in the story “Red and Gray” by Alexander Kabakov. It was revealed that the writer in various ways appeals in the story to a number of folk and original works of fiction: the fairy tale “Little Red Riding Hood and the Gray Wolf”, the poem by A.A. Blok “Scythians”, story by A.S. Pushkin “The Station Agent”, play by A.P. Chekhov's “Three Sisters”, novel by L.N. Tolstoy's “War and Peace”, as well as to other precedent texts, situations, names: police orientations, the philosophical concept of “Moscow is the third Rome”, the realities of the late 1990s – early 2000s. The author's goals are different: he strives, with the help of precedent phenomena, to organize the space and time of the work, build a plot outline, form subtext and subtext, express irony, characterize characters, construct the space of a language game in which the reader readily takes part.

Keywords: precedent phenomenon, precedent text, cultural reference, irony, Alexander Kabakov.

Александр Абрамович Кабаков (1943–2020) – писатель и публицист, автор психологической прозы, получивший премию «Иван Бунин». Он также является автором таких произведений, как «Невозвращенец», «Ударом на удар, или Поход Кристаповича» и др. Первая повесть принесла автору известность и была экранизирована, а второе произведение стало основой сценария фильма «Десять лет без права переписки». Творчество Александра Кабакова привлекает внимание благодаря своеобразной стилистике автора, которая с легкостью совмещает простые бытовые описания с элементами фантастики. Его сборник рассказов «Московские сказки» (2004) показывает ранее известные всем сказочные произведения с новой стороны. Автор пересказывает сюжеты на современный лад, перенося действие на улицы современного (московского) города.

Творчество А.А. Кабакова рассматривается современными филологами с точки зрения его гротескной направленности [10], способов проявления автором творческой индивидуальности [1]. Вопрос использования писателем прецедентных феноменов пока оказался вне интересов исследователей.

Целью статьи стал анализ прецедентных феноменов, используемых автором в рассказе «Красная и серый».

Прецедентные феномены как явление русского языка, рассматривают В.В. Красных, понимающий под ним «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативную единицу; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [6, с. 47–48], Е.А. Нахимова, отмечающая, что прецедентный феномен «апеллирует к фонду общих знаний [8, с. 20], Ю.Н. Караулов, утверждающий значимую роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [5, с. 216], и другие учёные. Наиболее часто в качестве прецедентных феноменов выступают художественные тексты [7], что проявляется и в творчестве А.А. Кабакова.

Сюжет рассказа «Красная и серый», как и других произведений сборника «Рассказы на ночь», связан с прецедентным текстом. Указания на это есть в самом названии, в котором угадывается связь со сказкой «Красная Шапочка и Се-

рый Волк», постсоветском пространстве известной в изложениях Шарля Перо и братьев Гримм.

В основе сюжета детской сказки, в данном случае выступающей как прецедентный текст, – история о девочке, которая направлялась провести бабушку и принести ей гостинцев. Путь проходил через лес, где Красной Шапочке повстречался Серый Волк. Заговорив с девочкой, он выведал, куда она направляется, опередил ее, съел бабушку и приготовился уже расправиться с девочкой, когда на помощь пришли дровосеки. Они убили волка и вызволили съеденную им бабушку. В оригинальном варианте сказки концовка была трагической, однако ввиду того, что это детское произведение, финал сказки был изменен.

Рассказ «Красная и Серый» – это трансформированный текст сказки. Действие перенесено в Москву, в роли Красной Шапочки – Людмила Острецова, которая после смерти отца отправилась искать счастья в столицу. Там она однажды встретила в метро пьяную пожилую Анну Балконскую (ранее появлявшуюся в рассказе «Ходок» того же сборника). Анна Балконская – трансформированный образ бабушки из сказки. В завершающей части рассказа Людмила направляется к Анне Балконской на дачу, несет гостинцы, булочки и спиртное, и встречает по дороге подозрительного мужчину. Описание его указывает на то, что незнакомец не человек, а волк: *«Голубые глаза были близко поставлены к переносице», «Нос был к концу толще», «Конец все время вздрагивал, будто мужчина принюхивался к чему-то», «Зубы длинные»* [4, с. 123]. Как видим, для характеристики данного персонажа А.А. Кабаков использует также другой прецедентный текст – шаблоны полицейских ориентировок.

Обращение к прецедентному тексту происходит, по замыслу автора, с расчетом на то, что читатель разгадает сообщение, установит связь. В момент, когда это происходит, читатель испытывает удовольствие, что укрепляет его мотивацию к дальнейшему чтению. Чтобы поощрить читателя, который разгадал загадку, установил связь с прецедентным текстом, писатель использует обращение к адресату, общается с ним: *«Ну что, давно догадались? Правильно. Дальше все будет именно так, как вы думаете»* [4, с. 125].

Указав, что читатель установил верные ассоциации, А.А. Кабаков описывает вполне предсказуемый финал: Людмила приходит к Анне Балконской, однако вместо бабушки на нее глядит волк: *«Бабка дико, с хрипом захохотала, поглядела на несчастную гноящимися, близко поставленными к переносице голубыми глазками, пошевелила концом мощного носа и вскочила из кресла, оказавшись, естественно, уже знакомым нам неизвестным мужчиной»* [4, с. 126].

На волчью натуру мужчины указывает и используемая автором лексика восприятия: *«Хриплый рык пронесся над старинным дачным поселком»* [4, с. 126]. Кроме того, автор называет незнакомца *«серым»*, *«зверюгой»*, которому *«дорогая водка из дозатора прямо в пасть не льется»* [4, с. 127], а после приезда милиции оказывается, что фамилия мужчины – Волков.

После того как подоспевший Нерушимов с помощником (трансформированные образы дровосеков) расправляются с волком, выясняется, что *«на свалке обгорелая волчья шкура обнаружилась, а в шкуре – человеческие останки с огнестрельными ранениями»* [4, с. 128]. Таким образом, все указывает на то, что мужчина, напавший на Анну Балконскую и Людмилу Острцову, и в самом деле был волком волк.

«Сказка о Красной Шапочке и Сером Волке» не единственный прецедентный феномен, который фигурирует в произведении. Так, рассказ начинается со слов *«Ах, великая была держава! Третий, блин, Рим. А теперь...»* [4, с. 106]. «Москва – третий Рим» это философская концепция, согласно которой Москва является преемницей Римской Империи. Эта концепция сложилась в период расцвета Московского княжества. В первой половине XVI в. данную философскую доктрину сформулировал старец псковского Елеазарова монастыря Филофей. Монах ставил московского князя в один ряд с императором Константином Великим: *«Не преступай, царю, заповѣди, еже положиши твои прадеды – великий Константинъ, и блаженный святыи Владимиръ, и великий богоизбранныи Ярославъ и прочии блаженнии святии, ихъж корень и до тебе»* [3, с. 471].

Использование прецедентного высказывания заставляет читателя поразмышлять над тем, какую роль выполняет современная Россия в мире и соответствует ли эта роль статусу «третьего Рима». Впрочем, писатель предугадывает ответ, утешительно замечая: *«Но ничего, еще развернемся, еще все увидят...»* [4, с. 106]. В этих строках присутствует ссылка на еще один прецедентный текст – стихотворение А.А. Блока «Скифы»:

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!.. [2, с. 1075].

Скифов А.А. Блок называет предками россиян, кроме того, поэт указывает на особую роль России в мировой истории. С помощью данного прецедентного феномена А.А. Кабаков выражает мысль о том, что лучшие годы, годы возрождения страны еще впереди.

Еще один текст, ссылки на который имеются в произведении, – это повесть А.С. Пушкина «Станционный смотритель». Семья Острецовых (отец, мать и три дочери) в рассказе А.А. Кабакова живут буквально в трех метрах от железнодорожной станции. Когда мать девочек умирает, среднюю дочь Валечку отдают в интернат, и в доме, *«построенном из старых шпал и негодных досок в полосе отвода»* [4, с. 106], остаются старый железнодорожник Иван Федорович, старшая дочь Галина и младшая Людмила. Здесь угадывается параллель с Самсоном Выриным и его дочерью Дуней, которые жили тоже возле станции, однако почтовой. Как и жизнь Острецовых, быт Выриных был полон разного рода неприятностей, поскольку станционный смотритель у Пушкина – *«сущий мученик четырнадцатого класса»* [9, с. 36]. Судьба Галины – старшей дочери Острцова – перекликается с историей Дуни, которую приезжий офицер уговорил отправиться с ним в Петербург и судьба которой позже сложилась хорошо, чего не скажешь о Галине Острцовой, испытавшей на себе пушкинское «пророчество»: *«Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да*

бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою» [9, с. 45].

Через несколько лет после отъезда Галины от нее в отчий дом приходит письмо, в котором девушка просит 30 рублей на зимние вещи для сына Олега. Становится ясно, что старшая дочь Ивана Федоровича осталась брошенной своим кавалером. Сам Острецов-старший показан человеком хорошим, не жалеющим ничего для дочерей. Судьба его, однако, складывается печально, и после выпускного младшей из девочек он умирает от пневмонии.

В наличии у Острецова именно трех дочерей можно угадать и параллель с произведением «Три сестры» А.П. Чехова, поскольку, как и Ирина Прозорова, Людмила Острецова мечтает уехать в Москву. Сделать это, в отличие от чеховской героини, у дочери железнодорожника выходит. Она отправляется в столицу и без какой-либо сторонней помощи там устраивает свою жизнь, находит жилье и работу.

Как и в других произведениях сборника, в рассказе «Красная и серый» автор использует прецедентное имя – семьи Болконских из произведения Л.Н. Толстого «Война и мир». Однако же фамилия Анны Семеновны выглядит несколько иначе – «Балконская». Это решил «исправить» ее сын Тимофей (который, как уже известно из других рассказов, является сыном прохиндея-бабника Иванова), и меняет фамилию на «Болконского». Амбиции не соответствуют реалиям: смена фамилии не делает Тимофея более интеллигентным, он остается повесой, прожигающим жизнь. Таким образом, обращение к прецедентному имени позволяет А.А. Кабакову создать иронический эффект.

Наконец, в произведении есть ряд прецедентных имен, характеризующих реалии конца 1990-х – начала 2000-х годов. Они составляют важную часть хромотопа произведения, указывая на время событий. Например: *«Сейчас издали, если морицин не видно, прямо как Валерия, и тоненькая»* [4, с. 121]. Людмила рассказала, что идет к больной старушке, даже назвала Анну Семеновну бабулей, показала, что имеются в ее небольшой, но вместительной сумке поддельной фирмы Рита продукты, включая испеченные сестрой Галей пирожки и бу-

тылочку, как она, осторожно засмеявшись, выразилась, «от сосудов»... И пик популярности певицы Валерии, и массовая подделка зарубежных брендов – все это реалии недавнего прошлого, хорошо знакомые русскому человеку.

Таким образом, в рассказе «Красная и Серый» А.А. Кабаков обращается к прецедентным текстам, прецедентным выражениям, ситуациям и именам. Они позволяют автору организовать хронотоп произведения, являются средством выражения иронии, а также выражают главную идею произведения – мысль в том, что современная Москва потеряла свое было величие, а люди, населяющие столицу, стали мелочными, завистливыми, жадными и злыми.

Писатель обращается к таким прецедентным феноменам и другим языковым единицам, как антропонимы, топонимы, сленг, наименования реалий конца XX – начала XXI столетий, текстам мировой поэзии и прозы, сказочным сюжетам, мифам и легендам. В основе рассказа – связь с прецедентным текстом, ссылка на который заключена в названии. Так, рассказ «Красная и серый» связан со сказкой «Красная Шапочка и Серый Волк».

Прецедентные феномены выполняют в рассказах Александра Кабакова следующие функции: организуют пространство и время текста произведения, выстраивают сюжетную канву, формируют подтекст и затекст, являются средствами выражения иронии, характеристики персонажей, становятся инструментом языковой игры автора с читателем.

Литература

1. Бударина А.Н. Творческая индивидуальность Александра Кабакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2012. 23 с.
2. Блок А.А. Полное собрание стихотворений. М.: Директ-Медиа, 2014. 1137 с.
3. Гольдберг А.Л., Дмитриева Р.П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 471–473.
4. Кабаков А.А. Московские сказки. М.: Вагриус, 2007. 301 с.

5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Крылова М.Н. Художественный текст как прецедентный феномен // Русская словесность. 2010. № 1. С. 62–65.
8. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с.
9. Пушкин А.С. Повести Белкина. М.: Искатель, 2009. 64 с.
10. Савина Л.Н., Панченко Д.В. Методика создания буктрейлера в процессе изучения художественных произведений с гротескной направленностью // Грани познания. 2017. № 4 (51). С. 35-37.

References

1. Budarina A.N. Creative individuality of Alexander Kabakov: autoref. dis. ... sugar. philol. Science: 10.01.01. Ekaterinburg, 2012. 23 p.
2. Block A.A. Complete collection of poems. M.: Direct-Media, 2014. 1137 p.
3. Goldberg AL, Dmitrieva RP. Philofeus. Dictionary of books and books of Ancient Russia. Vp. 2. Ch. 2. L.: Nauka, 1989. S. 471–473.
4. Kabakov A.A. Moscow fairy tales. M.: Vagrius, 2007. 301 p.
5. Karaulov Y.N. Russian language and linguistic personality. M.: LKI, 2010. 264 p.
6. Krasnykh V.V. Ethnopsycholinguistics and linguocultural studies: course lecture. M.: Gnosis, 2002. 284 p.
7. Krylova M.N. Artistic text as a precedent phenomenon. Russian literature. 2010. No. 1. S. 62–65.
8. Nakhimova E.A. Precedent names in mass communication. Yekaterinburg, 2007. 207 p.
9. Pushkin A.S. Story by Belkina. M.: Searcher, 2009. 64 p.

10. Savina L.N., Panchenko D.V. The methodology of creating a book trailer in the process of studying works of art with a grotesque orientation. *Frontiers of knowledge*. 2017. No. 4 (51). S. 35–37.